

УДК 17

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.Б. Ардашкин

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
E-mail: ibardashkin@mail.ru

Рассматриваются философские основания проблемно-ориентированных исследований. Доказывается, что философские подходы, используемые в качестве оснований научного познания, лучше всего выражают эвристический потенциал научных исследований через демонстрацию своих возможностей, пределов. Это приводит к необходимости поиска других способов выражения бытия, что открывает новые гносеологические перспективы науки. Такие перспективы научного познания реализуются через проблемно-ориентированные исследования.

Ключевые слова:

Проблемно-ориентированные исследования, аподиктическое и проблематическое бытие, синергетика, постнеклассическая наука, ответственность.

Key words:

The problem-oriented researches, apodictical and problematical life, synergetika, a postnonclassical science, the responsibility.

Задача статьи — охарактеризовать философские основания проблемно-ориентированных исследований. Это предполагает обращение к тем философским идеям, в которых утверждается значимость интегративности и целостности научного познания, его обусловленности социальными, экономическими, политическими, экологическими и другими аспектами бытия человека. Акцент на подобных философемах важен еще и потому, что в них представляется новый способ «вопрошания», который постепенно, медленно, но верно утверждается в философии, что оказывает влияние также и на гносеологию в целом, и на философию науки в частности. Нельзя сказать, что эти философские идеи доминируют, но то, что их «голос» становится все громче — это несомненно.

Речь идет о том, что необходим пересмотр места и роли человека в мире, поскольку его философский статус, а это статус познающего субъекта, «центра Вселенной», «покорителя природы», еще достаточно востребован. И даже, несмотря на то, что не менее сильна критика данного статуса человека, на практике (да и концептуально) философии сложно изменить положение, она мало способна повлиять на сложившуюся ситуацию. Дело еще и в том, что предлагаемые решения сами страдают неопределенностью в отношении возможности своей реализации. Часто предлагаются вполне здравые, взвешенные решения, но как заставить человека принять их к сведению, осуществить, сказать сложно. Один из примеров.

Н.С. Мудрагей в конце одной из своих статей пишет: «На одной из египетских пирамид много тысячелетий назад была сделана надпись: «Люди погибли от незнания истинного мира, либо от неумения пользоваться силами Природы». Что мы сотворили с природой, общеизвестно. Значит, у нас остался единственный путь спасения — познать истинный мир. Философия — в первых рядах борцов за выживание человечества, в первых — ибо остальные виды гуманитарного знания вспахивают каж-

дый свой кусочек земли. Философия — и в этом ее предназначение и определение — ищет Истину Бытия, истину человеческого бытия и человеческого существования» [1. С. 599–600]. Можно согласиться с Н.С. Мудрагей в этом, но все равно остается вопрос: а когда шла речь о нанесении ущерба природе, что мешало человеку остановиться, ведь и многие философы, и многие ученые, и религиозные деятели и др. предупреждали об опасности такого отношения к ней. Так и здесь: философы в первых рядах, кто познает истинный мир, но как вовлечь других людей, общество в этот процесс, в совместное познание истинного мира, как заставить людей прислушаться к философам, ученым и др.? Это вопрос, на который нет готового и однозначного ответа.

Автору представляется один из таких возможных путей, где можно будет привлекать ученых, философов, религиозных деятелей, простых людей, — это путь проблемно-ориентированных исследований. Как уже ранее говорилось, проблемно-ориентированные исследования — это исследования, через которые осуществляется взаимодействие науки и общества, а также экономики, экологии, политики и т. д. Это исследования, которые строятся через привлечение науки для обсуждения и решения социальных проблем, где основным механизмом их организации выступает интеграция трудно согласующихся видов знания через выдвижение актуальных проблем. Как пишет В.Г. Горохов, в проблемно-ориентированных исследованиях «общественное мнение начинает играть самую решающую роль, и от способности убедить во многом зависит успех даже безнадежного научного предприятия... Современная наука вообще... базируется не только на научных знаниях, но и на многочисленных высказываниях, лежащих за пределами науки, основывающихся на спорных предчувствиях, эмпирическом опыте, прецедентах и т. п. Если процитировать П. Фейерабенда, здесь может пригодиться все, что угодно» [2. С. 88]. Таким обра-

зом, проблемно-ориентированные исследования актуализируют аспект проблем человека и использование всего арсенала разработанных им знаний и технологий для их решения, а не аспект проблем познания, проблем науки, через призму которых и рассматривалось бытие человека. При этом следует оговориться, что философские основания проблемно-ориентированных исследований необходимо рассматривать через открытость человека миру, через представление о том, что проблемы человека — это проблемы его самоопределения, но самоопределения через взаимодействие с окружающим миром.

В связи с вышесказанным, важно понимать, что для проблемно-ориентированных исследований вряд ли в качестве их философских оснований сможет подойти одно какое-то философское направление или подход. Очевидно, что такими философскими основаниями могут быть сразу несколько философских подходов, которые могут демонстрировать свою установку на взаимодействие, на диалог с другими философскими позициями. Более того, скорее всего эти подходы будут достаточно критично расценивать науку (классическую науку) как тип знания, поскольку последняя исходит из необходимости ориентации на истину, а не проблему.

Одним из философских направлений, которое может выступать в качестве философских оснований проблемно-ориентированных исследований является экзистенциализм. Именно это направление выступило с критикой трактовки человека философией Нового времени как «человека познающего». Было продемонстрировано то, что познание, как и любые другие виды человеческой деятельности, не обуславливает сущность человеческой природы, а само проистекает из этой сущности. Понимая человека целостно, экзистенциалисты полагают, что существование последнего представляет из себя некое постоянно становящееся бытие, которое может быть постигнуто, схвачено им только через его проблематизацию. В частности, известный итальянский экзистенциалист Н. Аббаньяно выделяет два типа знания: необходимое и проблематичное. Первое знание относится к неэкзистенциальной сфере — сфере универсальности, абсолюта, необходимости, оно «реализуется как неизменное сцепление универсальных определений, так что его можно понять и обладать им посредством одного единственного взгляда, который бы охватывал абсолютную тотальность», оно «исключает всякую проблему внутри себя и не составляет проблему в своей тотальности» [3. С. 307]. Тогда как второе знание характеризует особенности восприятия человеком своей экзистенции, ее негарантированность и непредсказуемость. Поэтому проблематическое знание включает в себя «возможность незнания... непрерывно сопровождается сомнением ... возможности заблуждения, потери, утраты возможного знания» [3. С. 308]. Проблема здесь понимается не как «знание о незнании», а как

констатация постоянной неуловимости, изменчивости человеческой экзистенции, для описания и понимания которой может только лишь проблематичное знание.

Похоже выглядит и ситуация в феноменологии, которая также может рассматриваться в качестве философских оснований проблемно-ориентированных исследований. В феноменологии выделяются два типа бытия: аподиктическое и проблематическое. Каждое из бытийных состояний характеризует соответствующий тип знания: истинное, очевидное, действительно описывающее то, что есть (аподиктическое знание), и неоднозначное, возможное, имплицитное (проблематическое знание). Это разделение обусловлено ориентацией человека на поиск очевидного основания для познания. Перед тем как человек собирается осуществить трансцендентальную редукцию, он и выполняет это разделение на указанные области для того, чтобы для себя внести ясность, что очевидно его сознанию, а что нет. Это разделение связано с выработкой ориентиров, без которых осуществление познания не может считаться научным. Или, как пишет Я.А. Слинин, «когда Декарт и Гуссерль ставили вопрос о том, в существовании чего можно усомниться, а в существовании чего — нельзя, они имели в виду именно действительное существование, а не существование вообще. Речь у них идет о сомнении в действительности существования тех или иных предметов. Таким образом, получается, что проблематически предмет существует тогда, когда неизвестно, существует он или нет. Аподиктически же предмет существует тогда, когда сомнение в его действительном существовании невозможно» [4. С. 9].

Но схожесть выделения двух видов бытия знания внешняя. В первом случае (экзистенциализм) вполне допустимо отношение проблематического знания к экзистенции человека, во втором случае (феноменология) речь идет об отношении проблематического бытия к состоянию человеческого сознания и знания, в которых осуществляется поиск очевидных и достоверных оснований. На лицо разнонаправленность «проблематических образований» экзистенциализма и феноменологии: в одном случае это знание констатирует то, что неуловимо, но то, что есть (Н. Аббаньяно), а в другом случае это знание выражает отсутствие ясности, потому что неизвестно, есть ли тот предмет или вещь, в отношении которого у нас имеется знание (Э. Гуссерль). В первом случае допускается существование того, восприятие чего возможно с помощью проблематического знания, а во втором — проблематическое знание обусловлено нашим представлением о том, что неизвестно, действительно ли этот предмет (вещь) существует или нет. В первом случае особенность бытия определяет характер знания о нем, во втором — состояние знания человека определяет характер бытия вещи, предмета, наличие его бытия или отсутствие. Тем самым экзистенциализм и фе-

номенология представляют два способа обозначения проблемы: в зависимости от бытия человека (его экзистенции) и в зависимости от бытия природы (от нашего знания о природе).

То, что проблематический способ обозначения знания и бытия человека и природы выступает в качестве некоторого общего места в этих двух философских направлениях, свидетельствует о том, что именно ориентация на проблему, на выявление ее бытийного измерения как раз и обозначает императив интеграционного взаимодействия этих двух философских направлений. Причем этот императив вполне обоснованно демонстрирует необходимость содержательной взаимодополняемости указанных философских направлений. Особенно четко это проявляется в философии М. Хайдеггера, которую можно рассматривать через призму интеграции феноменологических и экзистенциальных идей. Сюда же можно добавить и его герменевтические идеи.

Исследователи пытаются разделить творчество М. Хайдеггера на два периода, но сам М. Хайдеггер возражает против этого. Он говорит, что «Хайдеггер II возможен только благодаря Хайдеггеру I, Хайдеггер I уже включал Хайдеггера II» [цит. по: 5. С. 354]. Поэтому то, что у исследователя происходит трансформация представлений, это нормальное проявление глубины того предмета, который он исследует. А предмет интереса М. Хайдеггера связан с пониманием как основ бытия человека, так и бытия вообще. Как пишет П.П. Гайденко, «если в первый период он стремился понять бытие, идя от человеческого способа бытия, то во второй период он хочет исходить из самого бытия, чтобы понять и человека, и всякое иное сущее» [5. С. 354].

В любом случае очевиден императив М. Хайдеггера, который выражает некоторое бытийное измерение от бытия человека к бытию вообще и наоборот. В этом просматривается схожесть с современными интеграционными процессами между естествознанием (бытие вообще) и гуманитарными науками (бытие человека), которые происходят в различных вариантах постнеклассической науки (синергетике, информационный подход и т. д.). Это подтверждает то, что данные процессы носят самоорганизованный характер, а значит одновременно обусловлены независимостью и зависимостью их от человека. Как пишут Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, «синергетика устанавливает мостики между мертвой и живой природой, между целесообразностью поведения природных систем и разумностью человека, между рождением нового в природе, «творчеством» природы и креативностью человека. В мертвом ведется поиск черт живого, элементов самоорганизации, чего-то подобного интуиции, а в живом — поиск мертвого, того, что общее ему с мертвым, что уже предзадано, предформировано в мертвом, в законах эволюции Вселенной» [6. С. 21].

Бытие, которое рассматривается в философии М. Хайдеггера, свидетельствует о необходимости своей отнесенности к иному. Будь ли это бытие вообще, будь ли это бытие человека, будь ли это бытие языка и т. д. Именно такое бытие представлено синергетикой как ядром постнеклассической науки. Именно такое бытие характеризуется своей проблемной ориентированностью. И экзистенциалисты представляют специфику осмысления экзистенции человека как ориентированную на «пограничные» состояния, где обостряется ее существование, проблематизируется способ самообретения. И феноменологи свидетельствуют об интенции сознания, о необходимости поиска «других» образов, дополняющих уже полученные. Сам по себе такой принцип представления бытия, человека, его сознания фактически является проблемно-ориентированным, поскольку он констатирует неудовлетворенность имеющимися представлениями, их непредсказуемость, а, следовательно, необходимостью их дополнения. А постановка какого-либо знания под вопрос означает не чистый скепсис, критицизм, а необходимость осмысления тех знаний, образов, которые рассматриваются. Как пишет М. Хайдеггер, «поставленное под вопрос прежде всего вверено мысли как подлежащее осмыслению, а никоим образом не вытолкнуто в бесплодную пустоту разъедающего скепсиса» [7. С. 197].

В той же синергетике этот аспект проявляется не менее остро. Ведь возникнув в недрах естествознания, синергетика претендует на универсальность в исследовании самоорганизованных, сложных процессов, а значит и на то, чтобы ее постулаты можно было использовать и в гуманитаристике, и в других типах знания. Как характеризуют синергетику Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, «синергетические представления имеют своей основой естественно-научные модели... Поэтому возникает принципиальный вопрос: применима ли синергетика к исследованию когнитивных систем? Приложима ли она к процессам эволюции науки как сферы культуры и к процессам обработки информации человеком?... Оно возможно, ибо синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации и эволюции сложных систем, систем любого типа, как природных, так и человекомерных, в том числе и когнитивных систем» [6. С. 21].

Рассмотрение экзистенциализма, феноменологии и герменевтики как философских оснований проблемно-ориентированных исследований предполагает не сведение сущности той реальности, которую эти исследования изучают, к бытийным конструкциям указанных философских учений, а констатацию того, что именно эти философские направления продемонстрировали такое бытие, в основе которого лежит принцип неопределенности и неочевидности его для человека. Это бытие заставляет человека «беспокоиться», искать, преодолевать себя, но при этом особой ясности скорее всего не по-

явится. Человек в этих учениях предстает не как «субъект познающий», не как «хозяин», не как «покоритель природы», а как проблематизированный человек, ключом к выявлению сущности которого стало изучение характера его взаимодействия с окружающим миром. Стало понятно, что сущность человека представляется не как нечто раз и навсегда данное, а как ее постоянное проявление в процессе взаимодействия с миром. Проблема выражает состояние разомкнутости человека и мира, которая возникает в силу случайности как первого, так и второго начал. Поэтому через проблему человек обращается к миру, а мир к человеку. Ставя проблему, человек стремится восстановить целостность своих отношений с миром, проявляет о себе заботу.

Не случайно именно заботу М. Хайдеггер считал выражением структурной целостности бытия, чье присутствие для человека могло быть обозначено через проблему как способ восстановления целостности. По М. Хайдеггеру, «забота как исходная структурная целостность лежит экзистенциально-априорно, «до всякого присутствия», т. е. всегда уже во всяком фактическом «поведении» и «положении» такового. Ее феномен поэтому никоим образом не выражает приоритета «практического» поведения перед теоретическим» [8. С. 193].

Человек же в своей разомкнутости, когда он не задается своими вопросами, не проблематизирует себя, свое бытие, уводит себя от бытия, мира, уединяется, освобождается и тем самым выявляет всю пустоту своего присутствия. Это порождает ужас, страх и желание обрести заботу из вне. Как пишет М. Хайдеггер, «но в ужасе лежит возможность отличительного размыкания, поскольку он уединяет. Это одиночество возвращает присутствие из его падения и показывает ему собственность и несобственность как возможности его бытия. Эти основовозможности присутствия, которое всегда мое, кажут себя в ужасе словно на самих себе, незаслоненно внутримирным сущим, за которым присутствие ближайшим образом и обычно цепляется» [8. С. 190–191]. Обособленность человека опустошает последнего, приводит в состояние «ужаса», страха перед одиночеством, поскольку человек не знает, кто он, что ему делать, как поступить. Это бездействие представляется ему чем-то страшным, поскольку «он «не знает», что это такое, перед чем он ужасается» [8. С. 186].

Забота о себе как нравственная установка, как ценность обуславливающая необходимость сосуществования и взаимодействия с миром, действительно онтологически выражает важность проблематизации собственного бытия. Принцип заботы как источник проблематизации подчеркивает, что человек не должен успокаиваться, удовлетворяться чем-либо раз и навсегда, поскольку он эволюционирует так же, как и весь остальной мир. Проявление заботы — это демонстрация такой реальности, бытия, в которой всегда есть необходимость что-то изменить, что-то улучшить (если там все отлично, то к чему,

действительно, забота). И бытие всегда предстает как нечто такое, что требует своего изменения, что характеризуется самоорганизованностью, самодостаточностью, поэтому и вызывает к заботе о себе. Как пишет Л.А. Микешина, «забота о себе», о собственной нравственности рассматривалась как условие получения истинного научного знания. Позже, по-видимому, под влиянием идей Просвещения произошла переоценка, само понятие заботы стало представляться в отрицательном свете, означая скорее эгоизм, уход в себя, крайний индивидуализм. Смена ценностей, связанная с утратой гуманистической традиции, усугубилась тем, что в европейской культуре образование перестало ориентироваться на воспитание добродетели, представление древних о пайдеи «выродилось» в интеллектуальное совершенствование и накопление знаний, тогда как такие ценности, как необходимость развития этических свойств, «заботы о себе» как нравственном самосовершенствовании, были утрачены или заняли подчиненное место» [9. С. 385–386].

Необходимость актуализации «заботы о себе» как способа установления многомерных связей с миром обусловлена еще и проявлением ответственности. Уединение, одиночество, «без-заботность» снимают с человека необходимость быть ответственным, озабоченным, приводят к утрате целостности, к разомкнутости. Ответственность, которая дисциплинирует человека, проблематизирует его бытие, может выступать в качестве проявления «заботы о себе», «озабоченности». Как пишет Г. Йонас, «ответственность есть признанная в качестве обязанности забота об ином существовании, которая в случае угрозы его ранимости становится «озабоченностью». Однако в потенциальном виде страх заключается уже в изначальном вопросе, который можно представлять себе вырисовывающимся в начале всякой активной ответственности: «Что с ним произойдет, если я о нем не позабочусь?» Чем менее ясен ответ, тем ярче вырисовывается ответственность» [10. С. 363–364]. Это значит, что в условиях возрастания неопределенности знания, естественным способом соблюдения целостности познания становится проявление ответственного отношения к миру.

Ориентация на проблему, которая выступает свидетельством большой степени неопределенности в познании и деятельности, вызывает к ответственному отношению человека как проявлению «заботы о себе». Это и есть то бытийное измерение, которое выражают обозначенные философские учения (экзистенциализм, феноменология, герменевтика). Данные философские подходы выступают в качестве части философских оснований проблемно-ориентированных исследований со стороны рассмотрения бытия человека, его экзистенции, сознания, языка; тех сфер, которые изучают гуманитарные науки. Эти философские основания выражают невозможность обозначения полноты бытия через человеческое бытие, они указывают на

необходимость дополнения бытия человека со стороны бытия вообще (бытия природы; тех сфер, которые изучает естествознание).

Поэтому изучение философских оснований проблемно-ориентированных исследований возможно и со стороны философских концепций, построенных на материале естественных наук. В частности, таким философским основанием может считаться постпозитивизм, некоторые представители которого, изучая бытие науки (естествознания) констатировали невозможность формирования полноценных концепций функционирования науки и научного познания исключительно на материале естествознания. Это относится и к Т. Куну, и к С. Тулмину, и к П. Фейерабенду. Последний, как уже выше говорилось, пришел к выводу, что для осуществления научного познания, «все сойдется», любые способы и методы, а значит, возможно совмещение строгих методов естествознания и свободных способов исследования гуманитаристики.

В этом смысле необходимо сделать вывод, что в философии сегодня создалась ситуация, в которой выражается необходимость поиска нового способа проблематизации (вопрошания). Эта ситуация обусловлена тем, что каждый из существующих способов проблематизации абсолютизирует то бытийное измерение, к которому он обращен, не позволяя, по сути, своим вопрошанием дополнять другие варианты вопрошания, исключая их из познания и деятельности. Поэтому в каждом из имеющихся способов проблематизации возникает требование обращенности к обозначению крайних возможностей их применения, что позволяет обозначить границы их применимости. Другими словами, каждый такой способ проблематизации в случае критического отношения к его потенциалу в познании, коммуникации и т. д. демонстрирует ограниченность проникновения в бытие, которое любит исследовать. Как пишет Н.Н. Карпицкий,

«увидеть контуры новых тенденций развития философии можно путем радикализации способов проблематизации» [11. С. 247]. А такая радикализация требует возможности интеграции различных философских направлений в их осмыслении истины бытия и человеческого существования.

Таким образом, в качестве философских оснований проблемно-ориентированных исследований можно рассматривать те философские направления, предметом изучения которых выступает человек во множестве своих бытийных измерений (экзистенциализм, феноменология, герменевтика и т. д.), либо те направления, предметом изучения которых выступает природа, реальность как бытие вообще (позитивистская традиция, аналитическая философия и т. д.). Главная особенность обращения к столь разным философским концепциям связана с необходимостью радикализации их способа постижения собственного предмета изучения, с помощью которого выражается ограниченность каждого из обозначенных философских направлений. Но при этом следует понимать, что исследование человека или мира (природы) должно осуществляться через осмысление их единства и взаимообусловленности, что, с одной стороны, связано с ростом неопределенности и непредсказуемости обозначения взаимообусловленности человека и мира, а, с другой стороны, является естественным проявлением человеком «заботы о себе».

Проблемно-ориентированные исследования как раз и строятся на основании интеграции человека и мира, естествознания и гуманитаристики, что предполагает выявление такой формы организации интегрального единства как проблемы, выступающей в качестве метаначала, обозначающего взаимодействие наук, природы, общества, экологии и т. д.

Публикуется при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мудрагей Н.С. Философия: трудности становления и путь // Наука глазами гуманитария. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. — С. 581–603.
2. Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика // Вопросы философии. — 2006. — № 4. — С. 80–96.
3. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. — СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. — 506 с.
4. Слинин Я.А. Феноменология интерсубъективности. — СПб.: Наука, 2004. — 356 с.
5. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX в. — М.: Республика, 1997. — 495 с.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. — М.: Прогресс, 2007. — 508 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие. — М.: Прогресс, 1993. — 345 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. — СПб.: Наука, 2002. — 451 с.
9. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. — 439 с.
10. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 480 с.
11. Карпицкий Н.Н. Тупик антропоцентризма и новые способы философской проблематизации // Эпистемология и философия науки. — 2006. — Т. 8. — № 1. — С. 242–247.

Поступила 25.03.2010 г.